

Мальчик почти в следующее мгновение превратился в обугленный труп, а Оммания лишь невозмутимо взглянула в небо.

— Он... он! — Эшли поспешила вперед, чтобы помочь мальчику, но Оммания сделала останавливающий жест и, воспользовавшись моментом, встала так, чтобы преградить ей путь.

Оммания покачала головой:

— Он уже мертв.

Эшли застыла. Она ошеломленно смотрела на мальчика: еще секунду назад он громко выражал свое недовольство, так как же в следующее мгновение...

Оммания заметила в глазах Эшли замешательство и боль. Она снова покачала головой и тяжело произнесла:

— Ему не следовало оскорблять божество и пытаться постичь его волю. Он перешел черту.

— И ради этого, только лишь из-за этого, его нужно было поразить молнией?

Оммания посмотрела на Эшли, и в этот момент в глазах самой Оммании промелькнуло недоумение. Казалось, она искренне не понимала, почему Эшли не осознает, что за оскорбление божества полагается божественная кара.

Эшли сама когда-то была божеством, но, будучи богом, она никогда не стала бы так бездумно убивать. Она всегда считала людей слабыми, но поражалась тому, какая безграничная сила может скрываться в столь хрупких телах. Она восхищалась человечеством, и теперь, став человеком, не переставала удивляться, насколько же человеческое тело уязвимо: малейший ушиб оставляет след.

И все же эти существа, хрупкие, словно фарфор, создавали десятиметровые статуи Бога Света, возводили великолепные здания и сочиняли чарующую музыку. В глазах богов они были подобны муравьям, но именно они занимали большую часть этого мира. Видеть, как прямо на её глазах угасает живая жизнь, оказалось для Эшли невыносимым.

— Пойдем, мама. Ты ведь говорила, что покажешь мне академию?

Эшли пришла в себя. Она взглянула на спокойное лицо Оммании, потом на обугленный труп, и в душе ее шевельнулось разочарование. Неужели это и есть нормальные боги? Безразличные к жизни и смерти людей, потому что в их глазах люди — лишь муравьи, которых можно уничтожить в любой момент?

Непонятно, почему, ведь за эти дни, проведенные вместе, она чувствовала столько тепла и уюта, что почти забыла, что Оммания — божество. В глазах Эшли она была словно девочка-

подросток, которая всему удивляется и ко всему проявляет интерес. Например, по средам после полудня Оммания приходила под дерево во дворе и играла на скрипке мелодии, которым Эшли так и не смогла научиться. Или то, как она внезапно обнимала ее со спины, когда Эшли готовила ужин, и спрашивала, что сегодня будет на столе. Даже если Оммании совсем не требовалась еда, она старалась съесть хоть немного человеческой пищи ради Эшли.

Но теперь, когда на глазах у Оммании угасла жизнь, она лишь невозмутимо заявила, что это вина мальчика. Потому что он оскорбил божество.

Это было похоже на пощечину, которая отрезвила Эшли: вся их жизнь за последний месяц была лишь игрой, потому что Оммания еще не достигла полного озарения. Жестокость, холодность, алчность, высокомерие — вот истинная сущность богов. Ей следовало понять это давным-давно.

В одно мгновение Эшли почувствовала, как окружающий мир начал искажаться, в ушах зашумело, а ноги стали ватными.

— Мама!

Оммания поспешила поддержать ее, но Эшли инстинктивно отстранилась. Она покачала головой и одарила Омманию слабой, натянутой улыбкой.

— Ничего... Оммания, пойдём дальше.

Эшли первой зашагала вперед. Рука Оммании, которая тянулась к ней, лишь коснулась пряди ее волос. Она растерянно смотрела вслед Эшли, чья походка выглядела так, будто она собиралась бросить ее здесь.

— Мама... — прошептала Оммания.

Идущая впереди Эшли, словно услышав этот зов, остановилась. Как мать, вырастившая этого ребенка, единственная, кто видел, как она росла, Эшли чувствовала, как материнская любовь отчаянно требует обернуться. Увидев, что Эшли остановилась, Оммания догнала ее, но Эшли так и не обернулась.

— Пойдем, вместе? — Эшли постаралась взять себя в руки, подавляя дрожь в голосе.

Оммания молча смотрела на нее, а затем задала вопрос, который прозвучал в ушах Эшли подобно взрыву бомбы:

— Мама, ты плачешь.

Эшли вздрогнула и поспешно вытерла лицо. Она и не заметила, как по щекам потекли слезы.

— Почему, мама? Из-за того человека?

Слушая недоуменный тон Оммании, Эшли словно сдалась. Она закрыла глаза и медленно выдохнула. Она по-прежнему смотрела на Омманию с нежностью, но если присмотреться, можно было заметить, что эта нежность теперь словно застыла, став отчужденной и упрямой.

— Возможно, потому, что я тоже человек. И боюсь, что со мной может случиться то же самое...

Оммания покачала головой:

— Нет, мама. Ты моя мама, никто не посмеет так с тобой поступить.

Эшли с грустной улыбкой покачала головой:

— Все не так просто, Оммания...

Она не дала Оммании возможности продолжить и не стала задерживаться на этой теме:

— Пойдем, погуляем по академии. Может, услышав, чему их учат, ты достигнешь какого-нибудь озарения. У нас есть всего час.

Почувствовав, что мать избегает разговора, Оммания промолчала и лишь молча кивнула. Эшли было собралась идти дальше, но осознала, что ее холодность могла обидеть Омманию. Она протянула руку и тихонько взяла ее за ладонь. Когда Оммания в ответ крепко сжала ее пальцы, Эшли наконец выдохнула.

Чувства богов всегда были до крайности парадоксальны. Будь то любовь или родственная привязанность...

А сразу после их ухода разбитое тело мальчика медленно растворилось, словно его никогда не существовало в этом мире. Лишь разбросанные по земле вещи напоминали о том, что это не было сном.

Идя по дорожкам академии, они могли заглядывать в окна классов, где студенты прилежно слушали лекции. Все они были одеты в белые одежды посланников, а на краях мантий наставников виднелись золотые узоры. На досках были начертаны письма, доступные лишь богам и их посланникам. Как ни странно, Эшли с первого взгляда понимала смысл этих слов: Свет, Молитва, Верховный бог, День рождения божества, Начало...

В другое время Эшли наверняка бы в шутку предположила, что у нее есть дар к служению богам. Но сегодня, после случившегося, у нее не было ни малейшего желания шутить.

— Оммания, ты понимаешь, что написано на доске?

Оммания кивнула:

— Эти письма были созданы богами для общения с посланниками. Некоторые из них — просто каракули, которые боги рисовали, когда были пьяны, а некоторые — неудачные попытки создать язык для людей.

Эшли горько усмехнулась. С точки зрения Оммании, создание письменности было для богов сущим пустяком, а узоры, начертанные ими ради забавы, люди изучали столетиями, а то и тысячелетиями. Как несправедливо! Но что значит справедливость, если даже сами люди были созданы богами, и их жизни были лишь даром божеств?

— А ты... ты достигла какого-нибудь озарения?

Оммания покачала головой. Было очевидно, что никакого озарения не произошло. Эшли немного расстроилась, но уже не так сильно, как раньше. Погуляв еще немного, они покинули академию. Однако на обратном пути между ними уже не было той прежней близости — словно между ними пролегла невидимая стена.

Ночью Эшли лежала в постели, не в силах уснуть. Она смотрела сквозь тонкие занавески на луну, висевшую на ветке дерева. Пока она заворуженно глядела на лунный свет, Оммания внезапно придвинулась ближе и обняла ее.

— Мама, ты не рада.

Эшли не знала, как ответить на это. Возможно, ее прежняя божественная сила была слишком мала, чтобы она могла понять всю жестокость борьбы за божественную власть. А может, именно потому, что она была так близка к людям, она не могла смириться с тем, как истинные боги обращаются с человечеством.

— Я...

— Мама, тебе больно. Твое сердце... оно страдает.

Эшли закрыла глаза, больше не глядя на луну. Сейчас, даже на этом светиле, которое могло бы стать прибежищем для ее печали, наверняка обитало божество, управляющее луной, и оно просто отшвырнуло бы ее скорбь прочь.

— Мама, никто не посмеет так с тобой поступить. Даже если это будет бог, ему потребуется мое разрешение, а я никогда никому не позволю сделать тебе больно.

Оммания прижалась к Эшли. Страх, который испытывала мать, был для нее чем-то чуждым и совершенно нелогичным. Она не могла понять: она же пообещала, что никто не причинит Эшли вреда, так почему она до сих пор так мучается? Неужели только потому, что ее человеческая мать слишком добра и не может видеть чужих страданий?

Эшли молчала, лишь нежно поглаживая волосы Оммании. Черные пряди, переплетенные с красной заколкой, казались новой тканью — переливающейся, сверкающей, неописуемо прекрасной.

<http://bllate.org/book/18502/1777532>